

Михеева С. Л. Признак, обуславливающий действие: о роли прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений / С. Л. Михеева // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 120—131.

УДК 811.161.1*367.333

Признак, обуславливающий действие: о роли прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений

© Михеева Светлана Львовна (2015), кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия), mikhsveta@rambler.ru.

Статья посвящена анализу функционирования препозитивных прилагательных, входящих в состав подлежащего как одного из периферийных средств выражения семантики причинной обусловленности. В качестве иллюстративного материала используются предложения и фрагменты художественных и художественно-публицистических текстов русских авторов XX века (А. Грина, М. Булгакова, Ю. Нагибина, В. Овчинникова). Анализ материала позволяет сделать заключение, с одной стороны, о функционально-семантическом потенциале прилагательных с точки зрения выражения семантики причинной обусловленности. С другой стороны, выявляются закономерности во взаимосвязи между препозитивным прилагательным-определением и сказуемым (чаще всего глаголом), касающиеся именно рассматриваемого аспекта семантической организации предложения. Показано, что эти закономерности определяются, во-первых, стереотипными представлениями носителей языка о нормативных ситуациях, во-вторых, оценочной «соразмерностью» между признаком и действием как проявлением этого признака по принципу «из положительного вытекает положительное, из отрицательного — отрицательное». Особо рассматриваются случаи, когда эта соразмерность нарушается. Указывается на то, что при выражении названных аспектов семантики прилагательное сопровождается контекстуальной поддержкой. Делается вывод о наиболее полной реализации всего комплекса выражаемых значений в тексте.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле; обусловленность; причинно-следственные отношения; прилагательное; контекстуальная поддержка; текст.

1. Вводные замечания

Смысловые отношения обусловленности отражают существующие в реальной действительности связи между явлениями. Отображаясь в языковом сознании, этот аспект смысла предполагает реализацию через систему формальных языковых средств, что в совокупности организуется в функционально-семантическое поле (о функционально-семантическом поле подробнее см. [Бондарко, 2001, с. 11—14, 28—39; Бондарко, 2002, с. 289, 309—318; Бондарко, 2004, с. 10—21]). Основным средством выражения отношений обусловленности закономерно являются сложноподчиненные предложения, в которых при помощи семантического союза эксплицируется тот или иной пласт

значений обусловленности. «В предложениях со значением обусловленности соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой. Такие предложения выражают условные, причинные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия <...>. Обусловленность, или каузальность, то есть причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [Русская грамматика..., 1980, с. 362—363].

Еще одним формальным средством выражения значения причинности, которое часто оказывается объектом внимания исследователей, являются так называемые именные группы — предложно-падежные формы существительных [Всеволодова и др., 2015; Рец, 2012; Бессалов, 2011; Суй Сюе Бэнь, 2007].

Однако смысловые отношения обусловленности оказываются важным семантическим компонентом высказывания, даже если в их выражении не задействованы специальные формальные средства. Речь в данном случае идет о препозитивных прилагательных, входящих в состав подлежащего. Как показывает анализ таких высказываний, прилагательное способно имплицировать смысл обусловленности, обнаруживая его во взаимосвязи со сказуемым.

2. Методика исследования

В статье рассматриваются высказывания, в которых стоящее перед подлежащим прилагательное, помимо значения признака, имеет причинный оттенок. Прилагательное, таким образом, обнаруживает потенциал функционирования в качестве одного из периферийных средств выражения семантики причинной обусловленности. Иллюстративным материалом послужили предложения и фрагменты из художественных и художественно-публицистических текстов русских авторов XX века: А. Грина, М. Булгакова, Ю. Нагибина, В. Овчинникова.

3. Мотивация отношений причины

Отношения причины и следствия — это всегда отношения мотивации. «Мотивационный характер связи при выражении отношений обусловленности выявляется в предложенческой структуре высказывания — того организующего начала, в котором интегрированы грамматические средства обнаружения необходимых условий» [Оркина, 2010, с. 10].

Имя прилагательное, являясь частью речи с признаковым значением, традиционно соотносится в синтаксической структуре высказывания с функцией определения или сказуемого [Валгина, 2000, с. 103, 114—145; Бабайцева, Максимова, 1987, с. 85, 117]. Говоря об условиях обособления препозитивных по отношению к определяемому слову одиночных прилагательных или адъективных оборотов, авторы пособий по синтаксису простого предложения и русской

пунктуации отмечают наличие у подобных обособленных определений обстоятельственного оттенка в значении: «В препозиции адъективный оборот обособляется при осложнении обстоятельственными значениями причины, уступки и др.» [Современный..., 1987, с. 154]; «Обособляются распространенные или одиночные определения, стоящие непосредственно перед определяемыми существительными, если они имеют добавочное обстоятельственное значение (причинное, условное, уступительное, временное)» [Розенталь, 1995, с. 143].

Вместе с тем значение обусловленности, в частности оттенок причинности, проявляется у прилагательных не только в позиции обособленного члена предложения. Рассмотрим три примера: *Мнительный Кипренский объяснял это завистью* (К. Паустовский. Орест Кипренский). *Отчаянный страх парализовал мои члены* (А. Грин. Рассказ Бирка). *Ровное гудение машины, летящей высоко над землей, убаюкивало Маргариту, а лунный свет ее приятно согрел* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Во всех трех случаях препозитивное прилагательное, помимо собственно определительного значения, несет в себе и семантику обусловленности, а именно оттенок причинности. В этих случаях прилагательное обуславливает использование сказуемого (как правило, это глагольное сказуемое), значение которого по смыслу коррелирует с выражаемым прилагательным признаком — качеством или свойством. Решающую роль в подобной корреляции играют «стереотипы представления социума о нормативных ситуациях» [Евтюхин, 1996, с. 146]. В приведенных высказываниях эти стереотипы можно представить следующим образом: в первом — «мнительный человек видит во всем для себя что-нибудь неблагоприятное, всего опасается», и, как следствие, такой человек — в данном случае Кипренский — поведение других истолковывает негативно, как направленное именно против него (зависть по отношению к художнику); во втором — «из-за сильного страха человек может потерять способность контролировать свое тело»; в третьем — «из-за ровного, монотонного звука человека клонит в сон».

Подобные стереотипные представления базируются на выявляемых эмпирически закономерных связях между некоторыми (как минимум двумя) ситуациями. Эти связи между причиной и следствием в русском предложении, как уже было отмечено, могут выражаться разнообразными способами и средствами. В первую очередь это сложноподчиненные предложения с придаточными причины и следствия, оформленные при помощи соответствующих союзов. Затем это предложно-падежные формы существительных с предлогами *от, из-за, по причине, благодаря* и т. п. Еще одним средством являются наречия причины: *сослепу, сдуру, сгоряча* и т. д. Указанные языковые средства относятся к числу так называемых «специализированных» средств, которые в силу своей лексико-грамматической организации приспособлены к выражению именно этой части спектра значений обусловленности [Евтюхин, 1996, с. 153].

Однако в передаче смысловых отношений обусловленности могут быть задействованы и другие средства — это так называемая периферия функцио-

нально-семантического поля обусловленности, в данном случае причинности как фрагмента этого поля. Приведенные выше примеры иллюстрируют способность прилагательного передавать значение причины. Каковы же условия реализации этой способности?

Ранее было сказано о смысловой корреляции между значением прилагательного-определения и значением глагола-сказуемого. Имя прилагательное и глагол в широком смысле являются признаковыми частями речи, обозначая соответственно признак статический, вневременной, и признак, проявляющийся, меняющийся во времени. Следовательно, отношения обусловленности в этом случае могут быть мотивированы таким образом: наличие у предмета в широком смысле некоторого постоянного свойства, выраженного именем прилагательным, способствует проявлению у него обусловленного этим способом поведения, выраженного глаголом. Или, иными словами, постоянное свойство-признак предмета проявляется в каком-либо специфическом действии, например: *Надсадный вой проникал* сквозь кондиционер и заглушал голоса, небо стало черным с вороненым выблиском (Ю. Нагибин. Акира Куросава). *Безмятежные волны глупости укачивают, убаюкивают* (Ю. Нагибин. Акира Куросава). *Дикая ярость исказила* лицо девицы, она испустила хриплое ругательство, а Варенуха у дверей взвизгнула и обрушилась из воздуха на пол (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). *Колючие глаза Римского* через стол *врезались* в лицо администратора, и чем дольше тот говорил, тем мрачнее становились эти глаза (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Приведенные фрагменты подтверждают следующее положение: «... имеется определенное соответствие смысловой отмеченности между частями биситуативных структур обусловленности. В данном случае — для причинно-следственных отношений — принцип соответствия следующий: это одинаковая, совпадающая смысловая, оценочная отмеченность обуславливающей и обуславливаемой ситуаций. Причина соотносится с отрицательным же следствием, “плохо” порождает “плохо”, из “хорошо” следует “хорошо» [Евтюхин, 1996, с. 144]. Например: *надсадный вой проникал и заглушал; безмятежные волны укачивают, убаюкивают; дикая ярость исказила; колючие глаза врезались* — препозитивное прилагательное в подобных случаях оказывается оценочным ориентиром для читателя / слушателя, и этот ориентир задает «оценочный ключ» высказывания в целом. Кроме этого, подчеркнутая «оценочная отмеченность» часто приводит к проявлению метафорического потенциала слов и выражений, что мы наблюдаем в приведенных иллюстрациях.

Описываемое свойство прилагательного — его включение в причинно-следственный смысловой комплекс высказывания — наиболее полно реализуется, конечно, в тексте. Приведем следующий развернутый фрагмент: *Когда-то, в трудную для России пору, Екатерина II заказала знаменитому зодчему Баженову проект нового Кремля. Скульптор представил грандиозную модель (она до сих пор хранится в Донском монастыре), и торжественно приступи-*

ли к *строительству*. *Государыня сама заложила первый камень. Иностранцы были потрясены. Им казалось, что Россия полностью разорена неудачной войной с Турцией, а северный колосс вон как развернулся! Цель была достигнута, и строительство незаметно свернули. Несчастный архитектор запил мертвую ...* (Ю. Нагибин. Владимир Татлин).

Прилагательное *несчастный* — средоточие, узел текстовых причинно-следственных связей данного фрагмента. Левосторонняя (ретроспективная), связь его с предыдущим контекстом — обусловленность самого прилагательного: *несчастливым* архитектор становится из-за невозможности воплотить свой проект в жизнь. Правосторонняя (проспективная) связь с последующим контекстом — предопределенность поведения субъекта (запил мертвую), заданная лексическим значением прилагательного по принципу «плохо» порождает «плохо», как это было уже ранее отмечено (о связности как конструктивным признаке текста см. [Валгина, 2003, с. 43—52]).

Сама по себе категория обусловленности обладает огромным текстообразующим потенциалом. Архитектоника текста, особенно художественного, представляет собой пространственно-временной континуум, на который накладывается разветвленная система перекрестных отсылок от причины к следствию, от условия к следствию, от намерения к цели и т. д. На этой основе связываются между собой фрагменты текста — как находящиеся в непосредственной близости, так и значительно удаленные друг от друга. И выразителем этой связи наряду со специализированными средствами типа союзов, предложно-падежных форм существительных, наречий с обстоятельственными значениями может быть и прилагательное.

4. Контекстуальная поддержка прилагательного со значением причины

Неизбежность проявления значения причины в описаниях поступка, действия может поддерживаться различными элементами контекста.

Во-первых, частицами, например: *Медлительная римская полиция начала расследование уже после смерти слуги и, конечно, ничего не установила* (К. Паустовский. Орест Кипренский). *Лишь громадная внутренняя дисциплина позволяла ей сохранить расстояние между собой и окружающими* (Ю. Нагибин. Огнепоклонники).

Во-вторых, сопровождающими глагол наречиями со значением качества или образа действия, по смыслу пересекающимися с прилагательным, например: *Опытный крючоктвор ловко использует все пробелы в датском законодательстве* (Ю. Нагибин. Что сказал бы Гамлет). *Детская неустойчивость и погоня за внешним блеском в конце концов его погубили* (К. Паустовский. Орест Кипренский). *Сырое небо Петербурга залечивало раны медленно* (К. Паустовский. Орест Кипренский). *Редкие фонари тускло освещали канал [...]* (А. Грин. Барка на Зеленом канале). *Единодушные аплодисменты залпом грянули в комнате* (А. Грин. Зурбаганский стрелок).

В-третьих, словом (в последующем контексте) с признаковым значением, усиливающим, подчеркивающим значение исходного прилагательного, например: *Крепкая вера моряков в то, что за пеленой дождей и бурь их ждут тихие гавани, сказывалась в этих летних рассказах матросов с особенной силой* (К. Паустовский. Орест Кипренский). *Плотный, неповоротливый человек, с черными волосами и желтым сухим блеском тщательно выбритого лица, шел тяжелой походкой, опустив голову* (А. Грин. Рай). *Мертвая тишина вещей, окружающих изящным обществом лист бумаги, равнодушно ждала нервного скрипа* (А. Грин. Рай).

Употребленные в качестве сказуемого глаголы-каузативы также являются средством выражения неразрывной связи между признаком-причиной и действием / свойством — следствием. Речь идет о таких словах, как *способствовать, заставлять, делать* (что-либо каким-либо), *влиять* и т. п., например: *«Яркий свет заставляет мигать; бессознательное движение ...»* (А. Грин. Рай). *Островное положение [Японии] способствует долговечности традиций* (В. Овчинников. Сакура и дуб). *Опасное, изменчивое море вырабатывает в людях настороженность, молчаливость, всегдашнюю готовность к отпору* (Ю. Нагибин. Что сказал бы Гамлет).

Как отмечалось ранее, смысловая корреляция между признаком-причиной и действием / состоянием — следствием реализуется согласно закономерности «отрицательная причина порождает отрицательное следствие» и наоборот. Конечно, не обязательно в обозначении признака и действия будет присутствовать именно оценочный компонент «хорошо / плохо». То есть смысловое соответствие может выражаться не только на этой основе. В широком смысле речь идет о соразмерности причины и следствия: и то, и другое должно относиться к одной и той же оценочной шкале. В этом отношении показателен следующий пример: *Большие обезьяны — гориллы, шимпанзе, орангутанги — находятся в поместительных клетках с прочной решеткой* (Ю. Нагибин. Акира Куросава). Признаки *большие* и *поместительные* буквально соразмерны.

Об «эмоциональной» соразмерности сообщается в следующем высказывании: *Эти трогательные, милые и жалкие садики — тоже знаки тоски о богоданном и утраченном мире* (Ю. Нагибин. Акира Куросава). Эмоциональная оценка выражается и в следующем примере: *Другие, насмешливые мысли подсунули ему кучу эксцентрических решений, чудачеств, прихотей и капризов* (А. Грин. Рай) — выделенные слова объединяются на основе общего смыслового оттенка «нечто выходящее за рамки обыденности», что обуславливает контекстуальное наполнение предложения.

Заданная в прилагательном та или иная оценочность также предопределяет восприятие читателем или слушателем последующей информации и ее оценочную интерпретацию. Рассмотрим следующий пример: *Добродушная фельдшерша Прасковья Федоровна навестила поэта во время грозы, встревожилась, видя, что он плачет, закрыла штору, чтобы молнии не пугали больного, листки подняла с полу и с ними побежала за врачом* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Все действия, совершаемые субъектом (фельдшерницей), расцениваются как проявления, реализации качества *добродушная*, которое в данном контексте становится синонимичным *заботливой*. Именно в силу своего добродушия Прасковья Федоровна проявляет заботу по отношению к пациенту, о чем свидетельствует и контекстуальная поддержка глагольных сказуемых, в частности, слова *закрывает штору, чтобы молнии не пугали больного*.

В следующем предложении подробное перечисление действий субъекта также является называет следствия-проявления его значимых качеств, которые с самого начала фразы дают ключ к истолкованию поведения персонажа: *Аккуратный и исполнительный Василий Степанович упаковал деньги в газетную бумагу, бечевкой перекрестил пакет, уложил его в портфель и, прекрасно зная инструкцию, направился, конечно, не к автобусу или трамваю, а к таксомоторной стоянке* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Особого внимания заслуживает фрагмент *прекрасно зная инструкцию, направился, конечно, не к автобусу или трамваю, а к таксомоторной стоянке*: качества Василия Степановича *аккуратный и исполнительный* реализуются именно в том, что он не просто *знает инструкцию, а знает ее прекрасно и неукошительно исполняет*. Этот компонент смысла подчеркивается утверждением *конечно*. Дополнительно отметим, что препозитивные прилагательные в этом примере без затруднений могут стать обособленными.

Приведем еще один пример явного проявления причинно-следственной связи в следующем предложении: *Острый рог порвал ему куртку, распорол рукав, задев и окровавив предплечье* (Ю. Нагибин. Еще раз о бое быков). Закономерна реализация признака *острый* в действиях *порвал, распорол*.

Регулярное проявление определенного качества / свойства в каких-либо действиях становится характерной чертой субъекта. Языковая реализация этого смыслового комплекса осуществляется в высказываниях с характеризующим значением. Показательна следующая серия иллюстраций из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где речь идет о поведении дяди Берлиоза: *Однако умные люди на то и умные, чтобы разбираться в запутанных вещах. Деловые люди знают, что такие моменты не повторяются. Опытный Максимилиан Андреевич знал, что для этого первым и неизменным шагом должен быть следующий шаг: нужно было, хотя бы временно, прописаться в трех комнатах покойного племянника*.

В первых двух высказываниях речь идет об определенной категории людей — *умные люди, деловые люди*, — которым свойственен тот или иной способ поведения, отношения к миру. В третьем примере представлена характеристика одного из таких людей — Максимилиана Андреевича. Его качество *опытный* диктует ему способ поведения в сложившейся ситуации — *прописаться в московской квартире, хотя бы временно*. И приехал он из Киева после сообщения о гибели Берлиоза вовсе не для оплакивания покойного, а для того, чтобы поймать тот самый момент, который *не повторяется*, и заполнить жилье в столице.

Прочтение предложения в том или ином оценочном ключе предопределяется коммуникативной перспективой высказывания. Ею же обусловлено и установление причинно-следственной зависимости между признаком-прилагательным в роли определения и действием-глаголом в роли сказуемого в предложениях с прямым порядком слов. Входящее в тематическую часть препозитивное прилагательное-определение в обычном, стандартном предложении так или иначе влияет на интерпретацию последующей рематической части. Рассмотренные до сих пор иллюстрации представляют собой реализацию предложений, соответствующих различным структурным схемам двусоставного предложения, где подлежащее и сказуемое следуют по порядку и сопровождаются распространителями, а субъектно-предикатные отношения строятся на основе действительного залога.

В предложениях со страдательными оборотами наблюдаем обратные причинно-следственные отношения: препозитивное прилагательное, входящее в группу подлежащего, само оказывается следствием, проявлением действия, названного страдательным причастием и соотнесенного с субъектом, выраженным дополнением в творительном падеже: *Примитивный синто был порожден обожествлением природы* (В. Овчинников. Сакура и дуб). *Терпеливый и мужественный датский характер воспитан бурями, непостоянством морской стихии* (Ю. Нагибин. Что сказал бы Гамлет).

И если в активных конструкциях для проявления у прилагательного обуславливающего компонента смысла необходима контекстуальная поддержка, то в пассивных предложениях отношения обусловленности являются организующим смысловым началом высказывания. Это объясняется, видимо, «врожденной» способностью, самой природой страдательного причастия, которое предполагает отношения каузации. Но в этом случае, подчеркнем еще раз, причинно-следственные отношения оказываются перевернутыми и признак, выражаемый прилагательным, — это следствие, оно, входя в тематическую часть высказывания, оказывается в его начале. Причина же, заключенная в рематическом компоненте, располагается во второй, условно говоря, части предложения.

5. Несоответствие между причиной и следствием

Особо следует рассмотреть примеры высказываний, в которых соразмерность между причиной и следствием нарушается: вместо предполагаемого, заданного признаком-прилагательным следствия проявляется неожиданный результат. В подобных случаях требуется контекстуальная поддержка для выражения именно этого аспекта смысла — несоответствие между причиной и следствием.

Буквально значение несоответствия выражается отрицательной формой сказуемого: *Безблагодатная жесткость кубов, пирамид и прочих геометрических фигур не отвечала мягкости, женственности модели, не отвечала нежности чувства* (Ю. Нагибин. Марк Шагал). *Просторный, чопорный дом не выносил легкомыслия, и дядя Карл торжественно отнял у мальчика блюдце с пеной, а тетя Корнелия — стеклянную трубочку* (А. Грин. Гнев отца).

Включение отрицательной частицы в состав какого-либо иного члена предложения может передавать значение нерегулярного соответствия между причиной и ожидаемым следствием: *Душевная жизнь человека далеко не всегда совпадает с глобальным бытием, даже если человек это остро чувствует мировую боль* (Ю. Нагибин. Марк Шагал). Противостояние причины и следствия усиливается придаточной частью с условно-уступительными отношениями.

Непредвиденное следствие заданной причины может быть обозначено на основе антонимических отношений, заложенных в лексическом значении слов, причем антонимия может быть как явной, так и скрытой, контекстуальной. Как уже было отмечено, нарушение соразмерности между причиной и следствием может касаться буквальное несоответствие величин: *Маленькая Дания представлена в коллективной работе человечества великими мастерами* (Ю. Нагибин. Что сказал бы Гамлет). *Великий сказочник популярен в собственной стране куда меньше, нежели у нас* (Ю. Нагибин. Что сказал бы Гамлет). *Даже самая щедрая кормушка мала для всех алчущих отведать тучного овса, заправленного вином* (Ю. Нагибин. Акира Куросава). В последнем случае значение несоответствия между двумя признаками-свойствами подчеркивается усилительно-выделительной частицей. Контекстуальную антонимию наблюдаем в следующем примере: *Эпическая мощь этих работ осилила малое пространство книжного листа* (Ю. Нагибин. Марк Шагал).

Причина может *преобразоваться (превратиться, перейти и т. п.)* в какое-то следствие — и это следствие не является закономерным, поэтому в таких случаях употребляются упомянутые глаголы: *Законное признание художника знатоками живописи преобразовалось в петербургском свете в пустую и трескучую моду* (К. Паустовский. Орест Кипренский). *Любопытно, что новая, необычная манера даже тонким ценителям нередко представляется небрежностью, неумелостью и даже халтурой* (Ю. Нагибин. Марк Шагал).

Признак-свойство, проявляемое субъектом / объектом и являющееся его неотъемлемой характеристикой, может оказаться в противоречии с внешними обстоятельствами, что приводит субъекта в замешательство: *Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая рассказы обо всех этих чудесах, и решительно не знал, что ему предпринять, а между тем предпринимать нужно было что-то, и именно ему, так как он теперь оказался старшим во всей команде Варьете* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В следующем примере также подчеркивается несоответствие между исходным качеством объекта — *тихого озера* — и его, так сказать, «поведением», вызванным внешними обстоятельствами, в данном случае переменой погоды: *Тихое озеро, на берегу которого стоял мой маленький Страндпаркотель, заходило бурунами, клочья пены, сдуваемые с волн, полетели в окна верблюдьими плевками, а потом стекла задребезжали от сухих веток и сучков, обрываемых ветром с буков и кленов* (Ю. Нагибин. Что сказал бы Гамлет).

Неожиданность реализованного следствия может быть подчеркнута некоторыми специальными средствами. Препозитивное прилагательное может сопровождаться указательным местоимением *этот*, которое, помимо собственно указания, выполняет еще и усилительно-выделительную функцию, подобно частицам: ***Эти беспомощные, соломинкой перебеешь, создания всевластны над жизнями четвероногих и крылатых обитателей пустынь, джунглей, пампасов, лесов и гор*** (Ю. Нагибин. Среди хищников).

Такой прием усиливает эффект смыслового контраста; этот контраст может подчеркиваться дополнительным оттенком неожиданности, непредсказуемости: ***Этот отвлеченный, живущий в собственном мире человек вдруг оказался уполномоченным по делам искусств революционного правительства в Витебске*** (Ю. Нагибин. Марк Шагал).

Наречие, как отмечалось ранее, подчеркивает смысловое противоречие между свойствами *отвлеченный, живущий в собственном мире*, с одной стороны, и той должностью, в которой *оказался* субъект и которая предполагает высокую степень публичности, открытости, а не замкнутости.

Смысловой контраст, противоречие в поведении, непредвиденное развитие событий всегда требует объяснения. То есть существует еще одна неизвестная, явно не обозначенная причина, которая, являясь более весомой по сравнению с заявленным в препозитивном прилагательном причинном качестве, и приводит к непредвиденному следствию. Не называя саму причину, автор / говорящий может указать на нее, предположить ее наличие: ***Этот, казалось бы, простенький вопрос почему-то расстроил сидящего, так что он даже изменился в лице*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). ***Это, конечно, неприятное, но не сверхъестественное событие почему-то окончательно потрясло финдиректора, но в то же время и обрадовало: отвалилась необходимость звонить*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Обобщенное указание на некую причину, неизвестную автору / говорящему, выражено наречием *почему-то*. Кроме того, значимость причины подчеркивается вводными словами *казалось бы, конечно*. Рассмотренные примеры иллюстрируют следующее наблюдение: «... неслучайный характер связи между микроситуациями в макроситуации обусловленности проявляется в наличии некоей посредствующей или даже посредствующих ситуаций, благодаря которым две ситуации (микроситуации) оказываются интегрированными в рамках единой структуры. Наличие этих третьих, посредствующих ситуаций — условие семантической связности и цельности макроструктур» [Евтюхин, 1996, с. 149].

6. Выводы

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее: 1) отношения между причиной и следствием — всегда отношения мотивации; 2) при выражении значения причины прилагательное может сопровождаться контекстуальной поддержкой; 3) соответствие между причиной и следствием может быть нарушено, что специально обозначается в контексте.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Современный русский язык : в 3-х частях / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. — Москва : Просвещение, 1987. — Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. — 256 с.
2. *Бессалов А. Ю.* Актуализация категории причинности в английском и французском языках / А. Ю. Бессалов // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — 2011. — № 3. — С. 153—158.
3. *Бондарко А. В.* Введение. Основания функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики : введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — 2-е изд. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — С. 5—39.
4. *Бондарко А. В.* Теория значения в функциональной грамматике : на материале русского языка / А. В. Бондарко. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
5. *Бондарко А. В.* Теоретические проблемы русской грамматики / А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург, 2004. — 208 с.
6. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка : учебник / Н. С. Валгина. — Москва : Агар, 2000. — 416 с.
7. *Валгина Н. С.* Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 280 с.
8. *Всеволодова М. В.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Т. А. Ященко. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2015. — 210 с.
9. *Евтюхин В. Б.* Группировка полей обусловленности : причина, условие, цель, следствие, уступка / В. Б. Евтюхин // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — С. 138—174.
10. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., дополненное. — Москва : Азбуковник, 1997. — 944 с.
11. *Оркина Л. Н.* Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке : учебное пособие / Л. Н. Оркина. — Санкт-Петербург : САГА, 2010. — 332 с.
12. *Рец Н. И.* Периферийный компонент поля причинности в разноструктурных языках / Н. И. Рец // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2012. — № 4. — С. 88 — 93.
13. *Розенталь Д. Э.* Русский язык : для поступающих в вузы : учебное пособие / Д. Э. Розенталь. — Москва : Дрофа, 1994. — 288 с.
14. *Русская грамматика* : научные труды : в 2-х томах. — Москва : Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. — Том 2. — 712 с. (Репринтное издание).
15. *Суй Сюе Бэнь.* Функционирование предлогов и предложно-именных групп со значением причины / Суй Сюе Бэнь // Вестник Казанского технологического университета. — 2007. — № 3—4. — С. 211—217.

Feature Determining Action: on Role of Adjective in Utterance when Expressing Casual Links

© **Mikheyeva Svetlana Lvovna (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev (Cheboksary, Russia), mikhsveta@rambler.ru.

The article is devoted to the analysis of the functioning of prepositional adjectives included in the subject as a peripheral means of expressing the semantics of causation. The sentences and fragments of art and publicistic texts of Russian authors of the XX century (A. Grin, M. Bulgakov, Yu. Nagibin, V. Ovchinnikov) are used as illustrative material. The analysis of the material allows to make the conclusion, on the one hand, on the functional-semantic potential of adjectives from the point of view of expressing the semantics of causation. On the other hand, the regularities in the relationship between prepositional adjective-attribute and predicate (often the verb) are revealed, concerning the considered aspect of the semantic organization of the sentence. It is shown that these regularities are determined, firstly, by native speakers' stereotypical ideas about regulatory situations, and secondly, by the assessment of "proportionality" between a feature and an action as feature's manifestation according to the principle of "positive follows positive, negative — negative". The cases where this proportionality is broken are highlighted. It is pointed out that when expressing the mentioned aspects of the semantics the adjective is accompanied by contextual support. The conclusion is made about the most complete realization of the whole complex of expressed meanings in the text.

Key words: functional-semantic field; causality; causal links; adjective; contextual support; text.

References

- Babaytseva, V. V., Maksimov, L. Yu. 1987. *Sovremennyy russkiy yazyk: v 3 chastyakh*. Moskva: Prosveshcheniye. Ch. 3: Sintaksis. Punktatsiya. 256. (In Russ.).
- Bessalov, A. Yu. 2011. Aktualizatsiya kategorii prichinnosti v angliyskom i frantsuzskom yazykakh. *Vestnik MGOU. Seriya Lingvistika*, 3: 153—158. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. 2001. Vvedeniye. Osnovaniya funktsionalnoy grammatiki. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: vvedeniye, aspektualnost', vremennaya lokalizovannost', taksis*. Moskva: Editorial URSS. 5—39. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. 2002. *Teoriya znacheniya v funktsionalnoy grammatike: na materiale russkogo yazyka*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 736. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. 2004. *Teoreticheskiye problemy russkoy grammatiki*. Sankt-Peterburg. 208.
- Evtyukhin, V. B. 1996. Gruppyrovka poley obuslovlennosti: prichina, usloviye, tsel, sledstviye, ustupka. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'*. Sankt-Peterburg: Nauka. 138—174. (In Russ.).
- Orkina, L. N. 2010. *Sintaksicheskiye struktury s semantikoy obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke: uchebnoye posobiye*. Sankt-Peterburg: SAGA. 332. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. 1997. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Azbukovnik. 944. (In Russ.).
- Rets, N. I. 2012. Periferiyunnyy komponent polya prichinnosti v raznostrukturykh yazykakh. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 4: 88—93. (In Russ.).
- Rozental', D. E. 1994. *Russkiy yazyk: dlya postupayushchikh v vuzy: uchebnoye posobiye*. Moskva: Drofa. 288. (In Russ.).
- Russkaya grammatika: nauchnyye trudy: v 2 tomakh*. 2005. T. 2. Moskva: Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. 712. (Reprintnoye izdaniye). (In Russ.).
- Suy Syue Ben' 2007. Funktsionirovaniye predlogov i predlozhno-imennykh grupp so znacheniyem prichiny. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 3—4: 211—217. (In Russ.).
- Valgina, N. S. 2000. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: uchebnyk*. Moskva: Agar. 416. (In Russ.).
- Valgina, N. S. 2003. *Teoriya teksta: uchebnoye posobiye*. Moskva: Logos. 280. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., Yashchenko, T. A. 2015. *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: LIBROKOM. 210. (In Russ.).